

Иордании, которая занимала 88-ю позицию в мировом рейтинге. Очевидно, что для многих жителей провинции, особенно ЕАО, эмиграция в Израиль являлась в значительной степени реализацией их стремления улучшить условия жизни. В этом случае можно констатировать несомненную притягательность Израиля.

В 2000 г. доли Москвы (8,3%) и Санкт-Петербурга (7,3%) в миграционном потоке из России в Израиль находились примерно на том же низком уровне, как и в 1999 г., а удельный вес мигрантов из провинции оставался очень высоким — 84,4%. Однако доля эмигрантов из Сибири и Дальнего Востока в 2000 г. снизилась до 31,8%. В то же время вклад ЕАО существенно сократился до 5,4%. Это, вероятно, свидетельствует об уменьшении числа жителей области, имеющих право на выезд в Израиль, что, очевидно, явилось результатом прежней очень интенсивной их эмиграции.

Таким образом, географический состав эмиграционного потока из России в Израиль показывает, что подавляющее большинство в нем составляют жители провинции, тогда как евреи Москвы и Санкт-Петербурга в большинстве предпочитали страны Запада. Региональные различия указывают на четкую обратную связь между условиями жизни и интенсивностью эмиграции в Израиль. Эта страна, как показывает пример ЕАО, явно оказалась весьма привлекательной для жителей наименее благополучных частей России. В то же время подробные ежемесячные данные о миграции в период до и после кризиса 1998 г. свидетельствуют о решающем влиянии динамики социально-экономической ситуации и изменений в политической обстановке на общую интенсивность выезда из России в Израиль.

*Авторизованный перевод с английского
Анастасии Леоновой*

Лев ГУДКОВ, Борис ДУБИН

Институциональные изменения в литературной культуре России (1990-2001 гг.)

Чтобы понять особенности установок респондентов в сфере литературной культуры, необходимо учитывать не только сами институциональные рамки, задающие параметры массового чтения, его интенсивность и состав, но также и их трансформацию, особенно в тех случаях, когда

перемены имеют принципиальный характер. Вкратце изменения, которые происходили в литературе за последнее десятилетие, можно свести к следующему: 1) сокращение значимости литературы в обществе (ослабление литературоцентризма); 2) потеря "толстыми" журналами их структурообразующей функции в литературной культуре России и читательского престижа; 3) падение влияния критики и нарастающая неопределенность профессиональной роли критика; 4) отрыв писательского сообщества от более широких кругов заинтересованных читателей; 5) уход проблемного романа с сегодняшней литературной авансены (и, напротив, расцвет массово-развлекательного, формульного романа).

Все это можно считать непредвиденными последствиями краха советской системы организации и управления литературной культуры, произошедшего в первой половине 1990-х годов. Ушли в прошлое совпсовская и госкомиздатовская бюрократия — отделы культуры разных уровней власти, система Госкомиздата, Бюро по охране государственных тайн в печати, ВААП, Союз писателей и писательская номенклатура и т.п. Умерла и воплощенная в их деятельности советская идеология с ее образом мира, а вместе с ней — инструменты регулирования литературного производства, базировавшиеся на этой идеологии или к ней отсылавшие: утверждаемые сверху издательские планы, назначаемые ими же тиражи, заданные формы распространения книг, твердые цены на них, писательские премии, почетные собрания сочинений и прочие формы прямого и косвенного государственного вознаграждения. Потеряла свою значимость и поддерживающая государственную систему культуры интеллигентская идеология.

Частные издательства, едва утвердившись на рынке, практически полностью изменили структуру книгоиздательства, ликвидировав книжный дефицит, пропаганду, а вместе с тем и задачи по руководству чтением и пр. Вместо 190 крупных государственных издательств РСФСР сегодня лицензии имеют примерно 15 тыс. издательств, подавляющее большинство которых частные. После значительного спада издательских мощностей в первой половине 1990-х годов (общая масса издаваемых в стране книг сократилась в три раза, число же названий — лишь на 30%, по сравнению с 1990 г., и на 40% — с 1970-1980 гг.) к концу десятилетия наблюдается явный рост книгоиздания по числу названий. В 2001 г. отмечен рекордный за всю историю России выпуск новых книг — 70,3 тыс. названий, что примерно в полтора-два раза больше, чем в советское время (табл. 1 и 2).

Читательская аудитория постоянно сужалась, но книжный ассортимент, предлагаемый издателями, столь

Таблица 1

Число и средние тиражи печатных изданий в России

Тип издания	Параметр	1970 г.	1980 г.	1980 г./1970 г., %	1990 г.	1990 г./1980 г., %	2000 г.	2000 г./1990 г., %	2001 г.
Газеты	Число изданий	4 445	4 413	100	4 808	109	5 758	120	—
	Средний разовый тираж, тыс. экз.	21 147	27 192	129	34 525	127	18 930	55	~
Журналы, бюллетени	Число изданий	4 133	3 960	96	3 681	93	3 570	97	—
	Средний годовой тираж, тыс. экз.	498 427	628 282	126	1 361 043	217	170 028	12	—
Книги и брошюры	Число изданий	50	50	100	41	82	60	146	70
	Средний тираж, тыс. экз.	21,2	27,9	131	37,9	136	7,8	20,5	7,5

* Нет данных.

Таблица 2
Динамика выпуска книг и брошюр в России

Год	Число названий	Тираж, млн экз.
1992	28 716	1313
1993	29 017	950
1994	30 390	594
1995	33 623	475
1996	36 237	421
1997	45 026	436
1998	46 156	408
1999	47 733	422
2000	59 543	471
2001	70 332	542
2002	72 000*	500*

* Прогноз на основе данных за первое полугодие.
Источник: Ленский Б. Опасное сходство // Книжное обозрение. 2002. № 67. С. 15–16.

Таблица 3
**Степень культурного разнообразия:
выпуск книг в разных странах
(число наименований новых изданий
на 1 млн населения)**

Страна	1990 г.	2000 г.	2000 г./1990 г., %
Великобритания	1094	1997	182
Германия	758	974	128
Франция	660	864	131
Россия*	277	412	149
США	196	238	121
Китай	67	114	170

* В 2001 г. — 485 наименований на 1 млн жителей России.

же постоянно рос. По степени разнообразия предлагаемого читателю ассортимента Россия начала сближаться с ведущими европейскими странами (табл. 3).

Однако это высказывание верно лишь для крайне тонкого слоя нынешних читателей, причем, по сравнению с началом перестройки, этот слой очень значительно сократился, сегодня он охватывает главным образом жителей Москвы и Санкт-Петербурга и еще нескольких крупнейших городов. Справедливости ради отметим, что заметное улучшение ситуации в России, по сравнению с другими странами, в сфере культурной репродукции несколько тускнеет, если учесть ситуацию реального потребления культурных продуктов в Европе: мы имеем в виду языковую прозрачность в странах Европы и сохраняющуюся изоляцию читательского мира в России. Фактически можно говорить о едином книжном рынке в Европе, поскольку особых препон для доступа к необходимой литературе, культурным образцам нет. Образованный слой, как минимум люди с высшим образованием и студенты, в Европе владеет, по меньшей мере, в пассивной, но достаточной для чтения степени двумя-тремя языками, обладает высокой степенью подвижности, мобильностью, плотной сетью профессиональных и неформальных коммуникаций, пользуется при необходимости развитой международной системой книготорговли и заказов по Интернету, поскольку уровень доходов позволяет это. В России при этом сразу же возникают три барьера: 1) языковой (если иностранная литература и читается, то главным образом

по профессиональным соображениям, учебные мотивы сейчас оставим в стороне); 2) финансовый (уровень доходов редко кому позволяет приобретать в сколько-нибудь значительных объемах иностранные книги и журналы, поскольку цена иностранной книги в среднем достигает 10–30% от заработка академического научного работника или преподавателя вуза); 3) отсутствия физического доступа к торговой системе, реализующей иностранную издательскую продукцию (кроме Интернета, других возможностей купить или получить иностранные книги или журнал нет, об этом ниже).

Сокращение *тиражей* книг (при росте предлагаемого разнообразия) означает, что принудительно однородная аудитория позднесоветской эпохи дробится и крошится теперь в соответствии со своими любительскими и жанрово-тематическими пристрастиями.

Если в 1985 г. средний тираж одной российской книги превышал 33 тыс., а в 1990 г. приблизился к 38 тыс., то в 1995 г. он едва достигал 14 тыс., в 2000 г. равнялся 8 тыс., а к февралю 2002 г. составил 7710 экз. Массовые издания, которые хотя бы с оговоркой можно считать таковыми (условно примем выпущенные тиражом 50 тыс. экз. и выше), по названиям составляют лишь 2,3% всех книг, вышедших в 2001 г. Тогда как малотиражные издания (до 500 экз. — условно можно считать тиражами специализированной книги и приравненных в ней новых, еще не апробированных образцов литературы) по названиям составили 35,5% годового выпуска.

Столь значительное сжатие литературного (книжно-журнального) культурного пространства, мало замеченное образованным сообществом и тем более элитой, нуждается в своем объяснении. На первый взгляд ситуация более чем странная — в мирное время, без каких-либо катастроф и особых катаклизмов читательская аудитория в России сократилась в несколько раз, и это никого не волнует (табл. 4).

Таблица 4
**Распределение изданий, выпущенных в 2001 г.,
в зависимости от тиражей**

Тираж издания (тыс. экз.)	Число названий	Тираж (тыс. экз.)	Удельный вес отдельных групп изданий, %	
			по числу названий	по тиражу (тыс. экз.)
Всего	70 332	542 336		
До 0,5	24 938	6 261	35,5	1,2
0,5-1	6 757	6 374	9,6	1,2
1-5	14 756	52 981	21,0	9,8
5-50	19 632	197 302	27,8	53,1
Свыше 50	1 604	190 022	2,3	34,7
Без указания тиража	2 645	—	3,8	—

Судя по данным за первое полугодие 2002 г., этому году присущи все отмеченные тенденции: увеличилось число названий и сократился тираж, доля малотиражных изданий по-прежнему по названиям составляет 46% (до 500 экз. — 36,7%, от 500 до 1000 экз. — 9,5%), по тиражам — 2,7%. Доля массовых изданий (от 5 тыс. до 50 тыс. экз. — 57,5%, свыше 50 тыс. — 27,5%), насчитывающих 28% названий новых книг охватывают 85% всего тиража.

В группу малотиражных изданий входит два принципиально разных типа литературы — самая новационная и самая рутинная. Первый тип — дебютные литературные опыты или первые издания (беллетристики), научные препринты и тексты (статьи, отчеты, отдельные сборники

материалов) первых научных результатов и разработок. Этот тип издания предназначен для самой квалифицированной аудитории (так называемые группы "первого прочтения"), экспертов, специалистов высочайшего класса, способных оценить новизну и ценность полученных материалов и выдвинутых идей. Аудитория этого рода предельно дифференцирована и специализирована. Можно сказать, что степень дифференциации этих читательских групп воспроизводит характер специализации научного или экспертного, элитного сообщества, авторитет которого базируется на оригинальности и полноте владения канонами и схемами интерпретации (ресурсами теоретического, эстетического, морального и т.п. объяснения и толкования). Собственно говоря, граница между читателями и создателями этих текстов предельно условна — и те и другие являются и читателями, и авторами, это чередование ролей характерно для наиболее рафинированных и культурно богатых, продуктивных групп. Чем шире диапазон этих групп, тем выше уровень автономизации элиты, выше степень ее свободы. Второй тип, напротив, представляет собой разного рода методическую, учебную, справочно-информационную и инструктивную литературу различных ведомств и организаций — брошюрная продукция, имеющая чисто вспомогательное, техническое значение.

Тиражи от 1 тыс. до 5 тыс. экземпляров в нынешних условиях России предназначены для подготовленной, но не специализированной аудитории (как правило, это переводы или издания уже апробированных литературы и текстов хорошего качества, предназначенной для более широкого круга специалистов в данных тематических сферах). Эти издания — основа межгрупповых, в том числе междисциплинарных, коммуникаций, их функциональная роль чрезвычайно важна в самых разных отношениях — информационном, социализационном, коммуникативном, ролевом и пр. Тексты такого рода представляют собой переиздания для подготовленной публики, адаптированные или отобранные, интеллектуальных продуктов собственно новационной группы — создателей текстов и смыслов, их первых читателей

Тиражи от 5 тыс. и выше предназначены для неспециалистов. В принципе такого рода издания уже не содержат специализированных сведений, это либо учебные тексты, либо беллетристика — "фикшн", романы, боевики, мелодрамы, проза для широкого круга читателей.

Адресация изданий с тиражом свыше 50 тыс. (сегодня тиражи вплоть до 200–250 тыс., в советское время — до 4,5 млн экз. одной книги, как это было в так называемой "макулатурной серии" с произведениями А.Дюма или М.Дрюона) теперь — но не в советское время! — представляет собой тиражирование самых известных писателей, классиков, а также учебников для массового потребления, справочников, самоучителей, руководств по домашнему хозяйству, практической медицине и прочих массовых во всех смыслах изданий — от "Школьной библиотеки" до раскрученных писательских имен-брендов. По степени охвата этих изданий мы можем судить о глубине культурного слоя в данное время, поскольку в принципе они предназначены "всем". Сюда же можно отнести и детские книги, многочисленные издания и переиздания сказок, немногих отработанных и зарекомендовавших себя детских сочинений (таких, как "Винни-Пух" в обработке Б.Заходера, книги Э.Успенского, "Вредные советы" Г.Остера, стихи и переводы С.Маршака и др.). Это полярные по типу культурного содержания тексты в отношении изданий первой группы: самые большие тиражи, очень узкий круг текстов. (В некотором роде скорость больших циклов культуры и определяется временем прохождения удачного и признанного образца от первого появления в среде "первых читателей" до попадания в short

list, или узкий круг бестселлеров.) Сегодня на такие книги (в 2001 г. их было 468 названий — 0,7%, меньше 1% от всего книжного потока) приходится почти 20% совокупного тиража (всего более 100 млн экз.), т.е. каждое из них печатается тиражом более 100 тыс. экз., допечатывается и перепечатывается.

Таким образом, схематически этот процесс распространения литературных образцов в обществе можно представить себе в виде следующей схемы: два взаимопересекающихся конуса, вершины которых противоположно направлены. Один (с вершиной, опрокинутой вниз) будет представлять сужающееся культурное многообразие по мере расширения читательской аудитории, в то время как второй (пирамида читательских групп) будет представлять собой картину объемов читательских групп и аудиторий. Чем шире горизонт и выше уровень культурных компетенций читателей, тем меньше их численность. Самая специализированная и обладающая наивысшим авторитетом группа читателей-экспертов, обладающая всей полнотой информации о выходящих книгах, численно крайне невелика, но в культурно-новационном плане их роль самая значимая во всей динамике культурных процессов, на них ориентируются те группы, которые зависят в своем культурном потреблении от рекомендаций и оценок первой группы, соответственно, потребляя уже препарированный отобранный массив книг и текстов. Они, в свою очередь, выступают как объект подражания для людей, еще только осваивающих начала культуры, а потому потребляющих адаптированные издания и тексты, упрощенные или облегченные, упорядоченные в виде серий или "избранного", "энциклопедии" разного рода продуктов культуры. В самом низу — те, кто довольствуется лишь готовыми образцами, не требующими специальной рефлексии или оценки, — готовыми ассорти культуры или учебными текстами и пособиями. Разумеется, это лишь схема процесса распространения наиболее значимых образцов культуры, интегрирующих в процессе спуска постепенно все общество на основе минимума культурных образцов (но зато уж — все общество).

Если же эти связи врываются, ломается процесс передачи образцов от группы к группе, то прекращается динамика социальных изменений. Оставшаяся без новых идей и способов понимания периферия возрождает те стандарты и образцы оценки реальности, которые были значимыми на предшествующих фазах процесса, противопоставляет их элите и отказывает ей в авторитете. Тогда начинается давление провинции на центр, или провинциализация центра. Массовые вкусы и пристрастия начинают задавать тон и подчиняют себе каналы распространения, вторичные культурные формы получают несвойственную им в принципе авторитетность, как это происходит сегодня в России с телевидением.

Анализ изменений за последние два года тиражей укрупненных групп издаваемой литературы показывает ту же тенденцию — сохранение многообразия выпуска книг по названиям и некоторое уменьшение объемов платежеспособной или потенциальной читательской аудитории, т.е. уменьшение тиражей (табл. 5).

Как уже говорилось, книжный массив в целом и рост числа названий издаваемых книг все больше обеспечивается теперь частными издательствами (табл. 6). Продукция собственно государственных издательств в 2001 г. составляла менее пятой части книжного потока (меньше 20% по названиям и 15% по тиражам).

Возвращение книжного дела к рыночному типу организации восстановило и некоторые особенности центр-периферических отношений. Как и до революции, сегодняшняя ситуация характеризуется предельной концентрацией

Таблица 5
Динамика тиражирования в зависимости от тематики издаваемой литературы (тыс. экз.)

Вид литературы	Средний тираж		
	2000 г.	2001 г.	2002 г.*
Общенаучная	4,2	5,0	4,5
Естественные науки	1,2	2,0	1,6
Техника	3,6	2,6	2,8
Сельское хозяйство	4,7	6,8	5,0
Медицина	6,4	5,6	4,4
Филология, искусство	3,5	3,2	2,5
Образование, культура, СМИ	19,6	19,5	14,6
Художественная	10,6	9,3	10,0
Детская	17,3	16,4	13,8

* Данные за первое полугодие.

массового спроса на жанровую словесность и полезную книгу". Однако крайне обострились проблемы, связанные с распространением книг. Централизованная система распространения их по территории России отсутствует. В стране существуют сейчас пять крупных книготорговых сетей ("Топ-книга", "Библиосфера", "Книжный клуб 36,6" и др.), но общероссийской среди них, и то очень условно, может считаться только одна. Это сеть "АСТ", через которую проходит порядка половины российского книжного потока. Если в 1990 г. на территории России функционировало свыше 17,5 тыс. книжных магазинов, то сегодня их насчитывается около 6 тыс., из которых реально работают не более 2-3 тыс., т.е. число книжных магазинов уменьшилось в 7-8 раз. Вместе с тем резко упала и представленность книжного многообразия потенциальному и реальному читателю. Даже в нескольких крупнейших магазинах Москвы нет возможности выставить более 25-30 тыс. названий, тогда как их должно было быть (с учетом книг, вышедших в предыдущие годы) никак не

Таблица 6

Выпуск книг и брошюр государственными издательствами, ведомственными организациями и негосударственными фирмами (в % от общего объема продукции соответствующего года)

Издающая организация	1992 г.		1999 г.		2000 г.	
	По числу названий	По общему тиражу	По числу названий	По общему тиражу	По числу названий	По общему тиражу
Государственные издательства	46	54	21	17	19	15
Негосударственные издательства	21	40	50	78	54	82
Ведомства	33	6	29	5	27	3

культурного производства в столицах, главным образом в Москве. В столице и Санкт-Петербурге сегодня издается свыше 50% всех книг в стране и печатается свыше 80% их совокупного тиража. Но книжная продукция нестоллических издательств относительно растет. В них выходит уже достаточно большое количество книг (44% от всей книгопродукции 2001 г. по названиям). Иными словами, наблюдается некий исходный уровень творческой инициативы в обществе и даже на его "периферии". Характерно, однако, что эти книги изданы, как правило, очень скромным тиражом: они в сумме составляют лишь 19% совокупного тиража книг 2001 г. А это значит, что за их выходом стоят чаще всего разовые инициативы, чисто индивидуальные заявки, которые, например, не могли быть реализованы прежде или для которых нашлась сейчас единоразовая финансовая поддержка (часто — друзей или коллег), но которые не подхвачены, не усилены, не тиражированы системными механизмами института.

С социологической точки зрения здесь соединяются несколько значимых моментов: 1) провинция не имеет никаких собственных ресурсов для воспроизводства и признания (оно может состояться только через центр); 2) регулярная культурная, литературная жизнь происходит только в Москве и в некоторой степени в Санкт-Петербурге, она отмечена неформальными коммуникациями и оценками, сложившимися в узких кругах репутациями, личными отношениями и т.п., а потому лишена необходимых признаков формальной институционализации (текущей рефлексии, критики, оценок и пр.). Последние ей как бы не нужны и даже излишни, поскольку принципиальных вопросов в кругу "своих" не решают и даже не ставят.

В целом можно достаточно уверенно говорить о ликвидации за 1990-е годы книжного дефицита во всем, что касается

меньше 70-80 тыс. наименований. Разорваны существовавшие раньше цепочки книжных коммуникаций между различными группами общества и прежде всего — центром и периферией страны. Из-за цен на услуги государственного монополиста — Министерства связи (расходы на почту превышают расходы на производство книг и журналов, включая и авторские гонорары) — фактически ослабли или даже прервались культурные связи между центром и периферией. Учтывая, что уровень доходов в Москве в 2-2,5 раза превышает средние доходы по стране, провинция не в состоянии ни приобретать, ни оплачивать расходы по распространению наиболее сложной и информативной издательской продукции по стране (научной, экспериментальной, инновационной литературы — и книг, и журналов). Поэтому разрыв между Москвой и провинцией растет с каждым годом.

По данным Книжной палаты, за первое полугодие 2002 г., после введения чрезвычайно высокого НДС (в 2002 г. — 10%, в 2003 г. — 20%) совокупный тираж снизился на 50 млн экз. и составил 88% от уровня прошлого года. Цены поднялись после этого не на 25-30%, как рассчитывали самые пессимистически настроенные издатели, а на 35-45%. Снизились и тиражи выпускаемой литературы, особенно детской (по названиям — на 9%, по тиражам — на 33%).

Введение НДС на книжную продукцию резко ускорило явления, которые среди издателей быстро окрестили "перенасыщением", "переполнением", "перепроизводством" книжного рынка. Характерно и важно, более того, принципиально, что эти явления "избытка" и роста конкуренции, многообразия шли при хроническом сокращении тиражей, а стало быть, и самой читательской аудитории. Издательские гиганты, как и другие монополии,

начали требовать от государства не сокращения ставки НДС до уровня, приемлемого в мире (4-7%; отметим, что в Великобритании, сегодняшнем лидере книгоиздания в мире среди развитых стран, этот налог отсутствует), а государственного регулирования книжного потока, сокращения многообразия и "непродуманного дублирования" книжного выпуска (что, как известно, в советское время было основной заботой Госкомиздата). Логичным продолжением подобной озабоченности стали все чаще выдвигаемые в последние месяцы идеи и проекты разработки и утверждения единой государственной программы книгоиздания с выделением ответственных за выполнение программы крупнейших издательств и т.д.

Фактически единственным реликтом прежней государственной системы литературных коммуникаций остаются на нынешний день "толстые" литературные журналы — институция, централизованно-командным порядком сложившаяся в 20-е и 50-е годы прошлого века и рассчитанная на тогдашние культурные и идеологические задачи. Номенклатурное распределение полутора десятков центральных "толстых" журналов по одному в каждой области закончилось. Большая часть этих областных, краевых, республиканских журналов исчезла, не выдержав нынешних условий существования (отсутствия читательской, т.е. рыночной или спонсорской поддержки), у тех, кто остался, резко уменьшился тираж, до минимума сократился объем аудитории. Самостоятельно, т.е. исключительно за счет читательского признания значимости своей литературно-общественной программы и соответствующей оплаты, сегодня ни одно из этих периодических изданий существовать не может, их угасающая и почти не привлекающая внимание читателей деятельность возможна только благодаря грантам разных фондов и дотациям Министерства культуры РФ. Журналы не просто потеряли свою аудиторию, они утратили свою важнейшую социальную функцию — быть дневником общественно-литературного процесса, производить селекцию новой литературной продукции, отделять важное и ценное от второстепенного и малоценного в потоке нового.

Журнальная система окончательно сложилась в СССР к середине 1950-х и действовала до конца 1980-х годов. Будучи предназначен для оперативного введения новых текстов (новых авторов), журнал, с одной стороны, задавал ритм литературному процессу, а с другой — соединял центр и провинцию, распространяя по индивидуальной и ведомственной (библиотекам, организациям) подписке гарантированным образом то, что в столицах появлялось нового. Иными словами, "толстые" журналы в советское время сочетали элементы дефицитарной системы и более ранних форм российской организации — тиражирования столичной культуры в провинцию. После журнальной публикации могли и должны были следовать книжные издания в разных формах (в виде сборников, авторского "избранного", двухтомника и собрания сочинений). В этом смысле журнал играл роль первой фазы селекции значимого и последующих форм литературной репродукции. Однако чрезвычайно важно, что в отличие от организации литературы в развитых странах, где она обладала очень высокой степенью автономности и литературный журнал был прежде всего органом новационной рефлексии и презентации нового, т.е. органом связи еще неинституционализированных авангардных авторов и групп с "публикой" (в смысле Ю.Хабермаса, т.е. подготовленным интеллектуальным сообществом, критической интеллигенцией, обеспечивающей рефлексию текущих событий и явлений в обществе и мире, синтез мнений и взглядов разных культурных и интеллектуальных групп), в советских условиях журнал последовательно отсекал интеллектуальный и литературный поиск, любой авангард. Это, казалось бы,

понятно, но не в одной лишь идеологической цензуре тут дело. Российская журнальная система, хотя и представляла собой основной динамический механизм организации тоталитарного института литературы, первую фазу литературного воспроизводства, но не включала авангард в принципе. Задачи литературы, так, как они были определены идеологическим руководством, заключались в обеспечении поддержки военно-мобилизационного и репрессивного режима и некоей крайне дозированной критики отдельных аспектов его функционирования, снимающей или предохраняющей от угрозы системных дисфункций. При том, что параметры допустимого были очень узкими, зона разрешенного составляла основную официальную тематику внутренней жизни советского общества.

Авангард не входил в советский институт литературы не потому, что для авангарда либо все новое ("я — первый", позиция Маяковского), либо все было всегда (позиция Элиота), а потому что сама система, оказавшаяся под репрессивным контролем, в принципе отвергала какие-либо вопросы автономизации того или иного института, будь то наука или литература, здравоохранение или семья. Конечно, даже в самых развитых современных демократических обществах литературный или культурный в целом авангард образует "приграничную" зону проблемной институционализации, зону поискового и экспериментального поведения, лишь часть из которого позднее вписывается в структуры института. Для самых радикальных новаторов не существует главной проблемы, на которой стоит институт литературы и которая, собственно, и выражается в виде литературной динамики, эволюции, процесса, — проблемы соединения новации и нормы, узнавания и воспроизведения нового на фоне бывшего, т.е. установления, поддержания и развития традиции, прежде всего жанровой, а значит, и стилистической. Подобное соединение и требует для себя периодически повторяющейся журнальной формы, соединяющей устойчивую ценностно-нормативную рамку (ее воплощает структура журнала, круг его авторов, система ориентиров и оценок) и ситуативные изменения. В этом смысле большая часть авангардистов отсекается, вероятно, любым институтом литературы, почему авангард и осознает себя отверженным, осмысляет себя как отрицание, ищет иных форм групповой саморепрезентации — устных выступлений, малого обзора, альманаха и т.п. Но сам авангард является особой институциональной подсистемой, фиксирующей, что (кто) именно определяет себя как новое или девиантное по отношению к сложившейся литературной системе и ее канонам (традиции и т.д.), выдвигая альтернативную идею бесконечного обновления, "абсолютной современности" (по выражению Рембо), "традицию разрыва", как ее назвал Октавио Пас, как это должно быть интерпретировано для того, чтобы стать частью культурной истории или всего целого — "современности". Иными словами, "авангард" всегда внутренне соотносился с двумя другими подсистемами литературы — "классикой" (структурой признанных образцовыми произведений и их авторами, т.е. структурой литературных авторитетов и основанных на референции к ним канонов интерпретации) и, соответственно, с так называемой "массовой словесностью", выстроенной из стертых до анонимности норм и поэтических канонов. Основа последних — прежде всего жанровые и стилистические традиции серьезной, высокой литературы (массовое искусство обязательно и жестко жанровое), тогда как основная мишень авангарда — опять-таки жанр и стоящие за ним нормы авторской точки зрения и конвенции нормативных читательских ожиданий (негласный пакт автора с читателем).

Однако институт советской литературы и встроенная в его центр журнальная система делали другое, гораздо более серьезное дело. Они не то что не допускали авангарда, они не допускали вообще никакого отклонения, — для отслеживания подобных отклонений и была введена роль издательского и внутрижурнального редактора. При этом перечень неприемлемого в идеологическом, эстетическом и прочих планах никогда не был представлен в исчерпывающем виде или в форме развернутой системы: это значило бы придать образу врага конкретность, реальное существование, самостоятельную значимость. Система же держалась на другом: неприемлемым могло оказаться все. Поэтому проходима литература, кино, живопись и прочее становились все более тусклыми, ходульными, не интересными читателям и зрителям.

Писателей это, впрочем, не останавливало, и конкуренция за уровень серости в 1950-е или 1970-е годы была не сколько не менее острой, чем в 1930-е годы. Но тем самым система все больше работала на себя, а значит, переставала исполнять важнейшую функцию идейной мобилизации. Не удивительно, что последовательная работа системы достаточно скоро, уже через 10-15 лет, приводила ее к полному параличу. Такие дисфункциональные явления постоянно сопровождали советскую культуру, вызвали очередные совещания и постановления, особенно явно они нарастали на рубеже 1940-1950-х, 1970-1980-х годов. Эти точки отмечали, конечно, нарастание дисфункций не только в рамках института литературы, а во всем социальном устройстве. За этим обычно следовал общий перелом, и в образующиеся при ослаблении контроля зазоры и бреши прорывалось новое поколение, группа писателей с относительно новым опытом и накопившимся грузом нерешенных проблем, собственной нереализованности.

Однако они никогда не были и не чувствовали себя представителями художественного авангарда или альтернативной идеологии. Речь всегда шла лишь об исправлении наиболее острых дисфункций, смягчении самых неприятных крайностей, устранении наиболее непомерных привилегий для какой-то одной культурной группировки, захватившей властные позиции и получившей контроль за значимыми ресурсами и благами. Но каждый раз относительно восстановление системы, частичное возвращение ей работоспособности требовало все больших затрат (социальных, финансовых, человеческих) и давало все меньший, все более короткий эффект. Непрерывный распад и ремонт все больше становились формой существования — и литературной, книжной системы, и социально-политического, культурного устройства в целом.

Если же брать собственно содержательный план литературной или кинематографической культуры, т.е. все то, что составляло предмет разрешенного общественного обсуждения, то можно с высокой степенью определенности утверждать: лейтмотив этого процесса заключался в описании и тематизации феноменов разложения мобилизационного общества. По существу, всего три взаимосвязанных темы вышли на первый план в 1960–1970–1980-е годы: война и ее опыт (осевое событие всего советского общества), крах деревни и рутинизация советского общества, его медленное оповседневнение, дегероизация существования, превращение жизни в быт. Идеологический контроль не пропускал в сферу публичности ни одной новой идеи или точки зрения, кроме медленного просачивания рутинного традиционализма и национализма. В 1980-е годы литература, по существу, осталась за полем победителей — литературных троечников, секретарей Союза писателей, "эпопейщиков", старательно воспроизводивших в самых эклектических и рутинных формах легенду со-

ветской власти. Для большинства более способных и серьезных писателей эти годы оказались временем полного разложения.

С первыми же признаками послесталинской "демобилизации", ослабления массового террора и самоедства, пошел процесс легитимизации точки зрения маленького человека. Оказалось крайне важным представить относительно негероическое существование, естественно, лирически подняв его, поэтизируя частную жизнь и умиляясь ей. Однако эта возможность могла быть реализованной только в рамках эстремальных оценок, заданных войной ("Дом, в котором я живу" Л.Кулиджанова и Я.Сегеля, 1957, "Летят журавли" М.Калатозова, 1957), и в форме моральной конфронтации, пусть даже речь шла о рафинированных ученых, обслуживающих ВПК ("Девять дней одного года" М.Роома, 1962). Без этой рамки немедленно обозначился смысловой провал, дефицит ценностной оправданности ненапряженной повседневности, ее необработанности, некультивированности. Напомним лишь одно обстоятельство: лучшие фильмы советской 1960-1970-х годов, например М.Хуциева — "Мне двадцать лет" ("Застава Ильича"), "Июльский дождь" и последовавшие за ними, — пронизаны ощущением утраты полноты и экзистенциальной определенности жизни, которая, безусловно, ассоциировалась с поколением отцов, ставших "ветеранами", или молодых, погибших на войне. Эти мотивы дальше развевались уже на самом разном материале (от фильмов А.Германа или К.Муратовой и других до песен Б.Окуджавы или В.Высоцкого и почти полного растворения мотива, например, в комедиях Э.Рязанова — "Берегись автомобиля", "Гараж" и т.п.).

Проблема заключается в том, что никакой другой позитивной системы gratификации, а значит, никакого другого смыслового пространства, матрицы для структуры личной идентичности после этого не возникло. Отсюда — тот поздний, уже сегодняшний стеб или неотрадиционализм, которые сейчас представляют собой подмалевки публичной жизни россиян или же абсолютная (и довольно скучная) чернуха, даже в лучших своих образцах, вроде последних фильмов А.Германа или К.Муратовой.

Поэтому после краха советской организации культуры хлынул поток ранее репрессированной жадности "дефицита" в самых разных его проявлениях — образов благополучной, сытой и спокойной жизни, дамских переживаний или мелких, но занимательных интриг, преступлений, лишь оттеняющих через нарушение нормы всю стабильность нормативного порядка в целом или же — изживания комплексов ущемленности, ностальгии, разнообразного опыта неудачи, составляющих сюжетику боевиков и детективов, которые сегодня читают и смотрят.

Нынешнее же смысловое пространство культуры размечено разнообразными "братками", "братьями", "батянями-комбатами", батюшками и, соответственно, чеченцами, продажными депутатами, новыми русскими, дорогими шлюхами и пр. или же перелицовкой старых классовых врагов, как это делает Н.Михалков и ему подобные эпигоны. По существу, другого, столь же продуктивного смыслового ресурса, каким является перенос значений "врага" на новые социальные персонажи, нынешняя российская творческая "элита" не имеет. "Апофатичность" врага на высоких уровнях культуры (в виде кризиса личностной идентичности и потребности в "экстреме") и определенность ролевых персонажей врага в массовой поэтике образуют не просто устойчивую корреляцию, но могут рассматриваться как один из инвариантов современной структуры российской культуры, не развивающейся, но лишь бесконечно повторяющей матрицы основных конфликтов — несостоявшейся субъективности, неавтономной индивидуальности, незавершенной модернизации.

После публикационного бума конца 1980-х — начала 1990-х годов, когда журнальные издания, особенно несколько лидировавших среди них московских, имели максимальные за все время их существования тиражи и в максимальной степени, на пределе возможностей, выполняли свою главную функцию — приобщения к литературным образцам и представлениям, значимым для консолидации всего образованного слоя, — "толстые" журналы резко сузили круги своего хождения. Их тиражи, в позднесоветские дефицитарные времена назначавшиеся сверху в пределах примерно сотни тысяч экземпляров, а затем взмывшие на пике в отдельных случаях до миллиона и даже нескольких миллионов ("Дружба народов" с публикацией "Дети Арбата" А.Рыбакова, "Новый мир" — "Архипелаг ГУЛАГ" А.Солженицына), сегодня насчитывают несколько тысяч и дважды в год еще понемногу, но неуклонно сокращаются. Если число периодических изданий в целом, не считая газет, за 1990-е годы почти не изменилось, то их средние тиражи уменьшились более, чем в 8 раз, а тиражи "толстых" журналов — в 20 и более раз. Это вполне наглядно показывает, как раздроблен и продолжает дробиться соответствующий социальный контингент их привычных потребителей — "интеллигенция", как убывает ее социальная роль, влияние этого слоя, престиж его идей и ценностей в глазах других общественных групп.

Значение "толстых" литературных журналов для образованных читателей позднесоветской эпохи, начиная примерно с конца 1950-х годов, было связано, говоря очень обобщенно, с двумя обстоятельствами. Во-первых, журналы при всем идеологическом контроле и цензурных препонах выходили к публике со своим образом мира (и, в частности, со своим представлением о литературе), который "тут же", в каждом новом номере, воплощался в структуре издания, круге его постоянных авторов, подборке текстов, их заголовках. Во-вторых, журналы привлекали образованных читателей тем, что были в посильной степени органами рефлексии над окружающей жизнью и текущей литературой, — с этим была связана важнейшая роль отделов публицистики и литературной критики в журналах этого типа. Иными словами, центральное значение журнала и журнальной системы для советской литературной культуры и культуры в целом заключалось в том, что журнальная система кумулировала в себе наличные на тот момент смыслозадающие группы с их образами мира, каналы их связи со слоями читательской поддержки (центра с периферией), доминантные формы литературы и культуры (роман, критическая статья). И не только соединяла их в социальное целое, но и регулярно это целое воспроизводила — и писательское сообщество, и систему литературы, и круги читателей с их стандартизированными установками и ожиданиями, их типовыми реакциями на прочитанное.

Разумеется, разделение на "две культуры", возникновение с середины 1960-х годов сам- и тамиздата, которые не входили в круг печатного рассмотрения, критического анализа, рецензирования, не могло не ущемлять, больше того, не уродовать журнальные формы коммуникаций между различными группами и слоями общества. Из сферы публичного обсуждения тем самым вытеснялись наиболее острые проблемы общества и культуры, подавлялись альтернативные точки зрения на них, устранялась возможность открытой полемики. Однако в полной мере разрушительный эффект "подполья" для журнальной системы сказался как раз тогда, когда оно было "легализовано" — в период перестройки и публикационного бума. Конечно же, этот эффект никем не планировался и в большой мере оказался неожиданностью для участников.

Дело не только в том, что "горячие" тексты как бы должны были говорить при публикации "сами за себя" и вроде бы не требовали критического анализа, сопровождаемая разве что короткой библиографической справкой и откликами благодарных читателей. Для аналитического освоения этих "вытесненных" текстов, созданных их авторами в совершенно других социальных и культурных обстоятельствах, по иным поводам и причинам, из иного мыслительного материала, как и вообще для работы с неочевидной проблематикой "забытого", "пропущенного" и "вычеркнутого", у литературно-критического сообщества не оказалось необходимых средств, развитых языков обсуждения, способов сложной, многоуровневой рефлексии. Популяризаторская профессорская публицистика тех лет — экономическая, историческая, правовая — по тогдашней необходимости или же по всегдашней советской привычке рассчитывала на троечников и при всей полезности намерений исчерпала свои возможности буквально за год-другой. Иных интеллектуальных ресурсов, за пределами привычной и в общем уже архаической для конца XX в. роли просветителей власти и народа, у отечественной интеллигенции не нашлось.

Сегодня "толстые" литературные журналы, практически полностью сохранив свой состав, имеют в пересчете на образованное население страны тиражи, близкие к "малым литературным обозрениям" или к "журналам поэзии" в развитых странах Запада. Однако, оставляя за своими пределами литературный авангард и не накопив ничего в смысле ресурсов интеллектуального понимания и анализа происходящего, потенциала либеральных (или современных, что в данном случае одно и то же) ценностей, не имея ничего "за душой", они оказались не в состоянии подвергать систематической рефлексии ни современные формы литературы, ни быть орудием актуальной социальной критики, даже хотя бы в тех формах, в которых они делали это в 1970-е годы. Литературная критика в них за 1990-е годы по большей части сменилась коротким рецензированием, информацией о выходе книги, косвенными формами рекламы и другими типами "перекрестного опыления". Они либо поддерживают сложившийся литературный истеблишмент, либо отмечают "правильных" кандидатов на пополнение этого круга — претендентов на "нормальную" литературную репутацию. Если в 1970-е годы оценивалось и рецензировалось примерно 8—12% всего нового, что появлялось в журналах (вне их доля, заслуживающая внимания, была ничтожной и случайной), то сегодня разбору подлежат в лучшем случае 0,2—0,5% выходящих книг, а учитывая размеры аудитории литературной критики, можно с уверенностью сказать, что литературная критика стала лишь средством группового ритуала самих узких литературных тусовок.

"Толстые" журналы и стоящие за ними кадры литераторов потеряли поддержку сколько-нибудь широких и влиятельных в обществе читательских групп. Остатки читающей их публики все больше сдвигается на культурную периферию, например в провинцию, где альтернативных источников литературных образцов почти нет, и к более старшим возрастным группам, зачастую не имеющим других контактов с миром литературы, кроме "своего" журнала. Собственно же поисковой литературной периодики, а она в стране такой величины должна была бы исчисляться десятками, если не сотнями изданий, в современной России нет.

Вместе с тем журнальный бум в конце 1980-х — начале 1990-х годов, воспроизводя для групп второго и третьего прочтения все старое, но заблокированное цензурой и годами обращавшееся в самиздате, смысл критику как таковую, убрал ее как институт, как механизм организации литературного процесса, определявший успех литературного

или публицистического дебюта, задававший основы репутации, вводящий новое имя или произведение в ряд высокозначимых, а тем самым поддерживавший и канон их интерпретации. В этот момент изменились не просто критерии литературных оценок, изменились сами групповые ценности и дух, идеология литературной культуры. Достигнув "потолка" тиражей в 1,5-2 и более миллиона экземпляров, журналы утратили всякое свое значение. Сегодня их тиражи составляют мизерные величины: центральных — 8-10 тыс. (а без Соросовской поддержки — не более 5 тыс., т.е. 1-3% от тех тиражей, когда они были подписными и лимитированными изданиями) и региональных изданий — не более 500-1000 экз., т.е. те же 1,5-3% от прежних тиражей. Интересно отметить, что эти 3% не случайны: величина сегодняшней киноаудитории до самого последнего времени также составляла 3% от той, которая была в советское время, но в последние два года сократилась до 2,5%*.

Вместе с тиражами журналов исчезла литературная критика как элемент литературной системы. А это значит, что отлаженный механизм межгрупповых коммуникаций перестал функционировать: между наиболее продвинутыми группами держателей литературной культуры и прочей публикой сегодня нет связи. Можно сказать, что эти связи оказались не нужными для основной части образованного сословия, читающей (культурной) публики тогда, когда литературные производители перешли почти полностью на тиражирование готовых "комплексных обедов", т.е. на предоставление публике массы тривиальных образцов и готовых мнений, не требующих анализа, оценки, вкуса, интерпретации или рефлексии. Естественно, что такое состояние не может быть объяснено только одним каким-то фактором: допустим, деградацией советской интеллигенции и замещением ее интеллектуальными паразитами и эпигонами, существующими за счет того, что они пародируют ("стебают") ценности советского времени и советского человека, пытаясь таким образом утвердить самих себя. Это очень характерный для нового поколения литераторов настрой, которым отмечены не только претендующие на элитарность издания и авторы ("НГ-Экслибрис", литературные разделы "КоммерсантЪ", "РЖ", сетевые журналы), решившие концептуализировать свой цинизм и пустоту как практику "постмодернизма", но и подражающие им более массовые средства коммуникации, ТВ-каналы, радиостанции и пр. "Придурок" становится модельной фигурой не только выродившегося авангарда или андерграунда (Митьки и т.п.), но и поп-культуры, в том числе поп-литературы. "Снижение" ценностного тона, моральный шок или утверждение кухонной склоки как нормы реальности становится основным приемом завоевания внимания и интереса сегодняшних производителей культурных текстов. Скандальные передачи на ТВ (на самых разных каналах) — "Большая стирка", "О.С.П.", "За стеклом", "Моя семья" и т.п. — всего лишь переносят на большой экран то, что незадолго до того утвердилось в литературе, а перед тем — в группах "авангарда", отработавших в разного рода "экшен", "перформансах", дизайнерских инсталляциях сами идеи и технологию этих процедур:

Отсутствие связей между группами высокой культуры и прочими не означает состояния аморфности или бес-

* Характерно, что сокращение верхнего культурного слоя произошло не только с литературой или кино (самыми массовыми формами потребления культуры), но и с театром (число театральных посещений за десять лет сократилось на 45%, хотя самих театров стало намного больше: в 1990 г. — 338, в 2000 г. — 547, т.е. увеличение на 43%). Число музеев выросло более чем в 2 раза, а посещать их стали вдвое меньше людей, при том и сами музейные экспозиции стали намного интереснее и живее.

структурности. Напротив, прежняя интеллигентская идеология ушла, а ее место заняли те ценности, которые проявились в эпоху тотального дефицита — стабильности, первичного консьюмеризма, развлечения и т.п. Поэтому и структура литературной организации, чтения, литературного (культурного) процесса принципиально изменилась. Основной массив прежних читателей стал читателями массовой литературы. Еще раз напомним: массовая литература отличается не содержанием и не поэтикой, как это постоянно твердит теряющая влияние литературная бюрократия, а только типом своей организации. И сегодня советская по духу литература превращается в массовую.

Острота проблем межгрупповой коммуникации в российском обществе — это лишь иное выражение крайней аморфности группового состава российского общества. Достаточно сказать, что 90% взрослых россиян (опрос ВЦИОМ в марте 2002 г.) вообще не являются членами каких-либо общественных организаций, движений, союзов и объединений. Лидерские инициативы и группы выражены в сегодняшнем российском обществе чрезвычайно слабо, они весьма редко обладают хоть сколько-нибудь самостоятельными смысловыми и символическими ресурсами. Ведущий уровень структуры и организации российского общества сегодня — массовый. Но это не массы, принудительно мобилизуемые сверху из единого управляющего центра, а массы, представленные отдельным человеком или отдельной семьей, которые более или менее пассивно адаптируются к меняющимся условиям и компенсируют напряжения, возникающие в ходе этой адаптации, посредством образцов развлекательной книжной и журнальной продукции, но в еще большей мере — телевидения.

Социально-коммуникативные "пустоты", образовавшиеся после спада печатного бума (резкого взлета популярности и тиражей "перестроечных" газет и журналов, прежде всего нескольких центральных изданий), к середине 1990-х годов уверенно заполнил собой телевизор. К нему обращаются сегодня практически все россияне, причем делают это ежедневно и к тому же не по одному разу в день.

Сравним цифры недавнего исследования ВЦИОМ об обращении горожан России к различным СМИ (табл. 7).

Таблица 7

Как часто Вы лично обращаетесь к СМИ?

(в % от общего числа опрошенных, октябрь 2000 г., N=2001 человек городского населения, информационные каналы ранжированы в порядке убывания их ежедневной аудитории)

Вид СМИ	Ежедневно	2-3 раза в неделю	Несколько раз в месяц	Редко или никогда
Телевидение	91	7	1	1
Радиовещание	68	6	3	23
Газеты	24	27	31	18
Видеофильмы	7	9	24	60
Журналы	4	10	33	53

Можно сказать, что сегодня семейный, домашний досуг ("своя, личная жизнь") для преобладающей части россиян — это телевидение, а просмотр передач по телевизору равнозначен семье, дому, досугу ("своей, личной жизни"), или обществу в России — это общество семей, смотрящих телевизор и всей семьей обсуждающих просмотренное. Говоря словами Маршалла Маклюэна, the medium is a message, само коммуникативное средство и представляет собой сообщение, картинка на телевизионном экране и есть смысловой мир

зрителя. Телевидением сегодня задается причастность россиянина к обществу ("большому" обществу, стране), его "природа" как социального существа.

Таким образом, между групповым и массовым уровнями культуры, формами социально-коммуникативной организации российского общества за 1990-е годы образовались значимые и резкие разрывы. Они, кроме того, усиливаются столь же заметными разрывами между культурными возможностями центра (Москвы) и периферии, между более молодой, образованной, активной и относительно успешной частью населения и всей остальной адаптирующейся массой россиян.

В этих условиях "толстый" литературно-художественный журнал впервые за все время существования института литературы в России утратил роль главного структурообразующего элемента литературной системы в стране. Литература сегодня, и претендующая на элитарность, и тем более массовая, не сводится к журнальной жизни и делается далеко за рамками "толстых" журналов. Что же касается самой литературной критики, то она за 1990-е годы во многом ушла в газеты, тонкие и глянцево-журналы, в Интернет. Поэтому "толстый" журнал все чаще выступает теперь рутинизирующим элементом литературной системы, преимущественно сохраняя — неважно, сознательно или по привычке — литературные стандарты и образцы прошлого. По сути, впервые в российской истории он не репрезентирует ни институт литературы, ни авангард литературных поисков, ни поле межгрупповых коммуникаций, ни канал взаимодействий с читателями, их наиболее продвинутыми группами, а представляет лишь консервативный сегмент литературной системы. В этом смысле можно говорить о конце "журнального периода советской литературы".

Если же быть социологически более точным, то речь идет, конечно, о распаде сообщества "первого прочтения", круга "первых читателей". Их функцией была первичная экспертиза литературных заявок разных групп с точки зрения тех ценностей, которые выступали наиболее значимыми для образованного сообщества в целом и интегрировали его, действуя "поверх" узкогрупповых норм отношения к этим ценностям, поверх фракционных разногласий. Предполагалось, что данный слой "экспертов" читает или просматривает многие (в принципе все) "толстые" журналы, вынося напечатанному в разных периодических изданиях оценку, которая авторитетна для более широких и культурно-инертных групп и слоев ("ведомых"), тем самым как бы создавая круг актуальной литературы и вводя ее в более широкий читательский обиход.

Крах централизованной государственно-ведомственной организации культуры в постсоветское десятилетие нашел свое выражение и в деятельности государственных общедоступных библиотек. Крупнейшие из них — Библиотека им. Ленина и Библиотека иностранной литературы в Москве — практически прекратили приобретение зарубежных книг и периодики на иностранных языках, испытывают серьезные трудности с приобретением даже отечественных книг и журналов. Число их читателей значительно сократилось, заметно изменилась структура их читательского контингента: это преимущественно учащиеся, которые обращаются в библиотеки с непосредственно учебными запросами и за консультациями о возможностях учебы за рубежом. Библиотека им. Ленина на протяжении последних лет фактически уже вообще не обслуживает читателей.

Во многом утратили свою роль и общедоступные массовые библиотеки системы Министерства культуры РФ, скудные финансовые средства которых, как правило, не позволяют им в достаточной мере соответствовать сегодняшним читательским запросам. Значительно сократи-

лось поступление отечественной литературы в их фонды (табл. 8). В 1998 г. число книг, пришедших в фонды публичных библиотек России, составляло меньше 40% от того числа, которое поступало в них в 1990 г. При этом в "центральные универсальные библиотеки" в регионах (главные библиотеки в областях и республиках) вообще поступает все меньшая и меньшая часть книгоиздательских новинок. В 1993 г. в их фонды пришло 22,5% книг, изданных в этом году в России, в 1997 г. — почти вдвое меньшая их доля, лишь 12,7% книжного потока.

Таблица 8

Показатели работы общедоступных библиотек
(сведения на конец соответствующего года)

Показатель	1985 г.	1990 г.	1995 г.	1999 г.
<i>Число читателей, млн человек</i>				
В целом в библиотеках	82,1	71,9	60,2	59,2
В городских библиотеках	55,4	48,8	38,9	38,6
В сельских библиотеках	26,7	23,1	21,3	20,6
<i>Выдано всего журналов и книг, млн экз.</i>				
В целом	1755	1506	1325	1339
В городских библиотеках	1186	1018	859	879
В сельских библиотеках	569	488	466	460

Число читателей с 1990 по 1998 г. снизилось на 18% (в городских библиотеках — на 21%), число выданных ими журналов и книг — на 11% (в городских библиотеках — на 14%). Иными словами, сокращение числа абонентов и активности чтения библиотечных книг происходит преимущественно за счет более активных, квалифицированных и требовательных читателей — жителей городов.

Однако и домашних библиотек в России за 1990-е годы стало меньше (табл. 9). Причем особенно заметно сократились более крупные собрания книг дома, в семье, функция которых — обеспечивать их владельцев относительно самостоятельными смысловыми ресурсами профессиональных знаний, общих идей, поведенческих образцов. Представим те же данные таблицы 9, но несколько в другом виде, с укрупненными категориями домашних собраний (табл. 10).

Судя по этим данным, заметно сократился культурный слой в стране, который мог бы быть основой воспроизводства национальной элиты. За 1995–2001 гг. ресурсы собственноручного культурного слоя сократились практически вдвое: с 21 до 11%. Сегодня трудно сказать, что стоит за этими явлениями. Объяснять их можно по-разному. Во-первых, тем, что сам состав тиражируемых культурных образцов не содержит ничего значимого для нового поколения, прекращающего покупать книги и заменяющего чтение другими видами культурного поведения (и соответственно, обращающегося к другим источникам ценностей и информации). Во-вторых, резкой деградацией образованного слоя в провинции, распадом той советской научно-технической интеллигенции, которая обслуживала главным образом нужды ВПК и которая сегодня больше каких-либо других категорий общества потеряла от реформ, будучи не в состоянии примириться с потерей своего социального статуса, уровня жизни, престижа и т.п. Именно эти группы были главными читателями в советское время. В-третьих, значительным сокращением доходов у провинциаль-

Наличие и объем домашних библиотек в России

(данные репрезентативных опросов ВЦИОМ, в % от общего числа опрошенных в каждом исследовании)

Объем домашней библиотеки	1995 г. (N=2392)	1996 г. (N=2399)	1997 г. (N=2401)	1998 г. (N=2409)	2000 г. (N=2407)	2002 г. (N=2107)
Не имеют домашней библиотеки	24	28	27	32	34	30
До 100 книг	34	34	37	35	35	37
100-300 книг	21	22	21	20	18	21
300-500 книг	11	8	9	7	8	7
500-1000 книг	6	5	4	3	3	3
Больше 1000 книг	4	2	2	2	2	1

Таблица 10

Наличие и объем домашних библиотек в России

(в % от общего числа опрошенных в каждом исследовании)

Объем домашней библиотеки	1995 г. (N=2392)	1996 г. (N=2399)	1997 г. (N=2401)	1998 г. (N=2409)	2000 г. (N=2407)	2002 г. (N=2107)
Фактически не имеют домашней библиотеки или имеют отдельные случайные и разрозненные книги (до 100 книг*)	58	62	64	67	69	67
Массовый уровень культурного потребления (100-300 книг**)	21	22	21	20	18	21
Начальный "культурный капитал" людей с высшим образованием (300-500 книг)	11	8	9	7	8	7
От 500 до нескольких тысяч книг (величина семейных библиотек, обеспечивающих воспроизводство "культурного капитала" — интеллигентов во втором и третьем поколениях)	10	7	6	5	5	4

* Включая школьные учебники, домашние справочники и т.п.

** Для уточнения: на книжной полке в среднем помещается 30-35 томов.

ной интеллигенции вкупе с прекращением поставок книг в магазины периферийных городов (развал книготорговли, о которой уже шла речь выше) привели к систематическому сокращению приобретения книг для домашнего чтения и собирания.

Число массовых публичных библиотек уменьшилось на 18%, а библиотечный фонд общедоступных библиотек сократился за 1985-2000 гг. на 9,5% (с 7835 до 7101 экз. на 1000 человек населения) или, если брать в абсолютных величинах, с 1155 млн экз. (фонд всех библиотек этого типа в 1990 г.) до 1027 млн экз. (2000 г.). Поступление новой литературы в публичные библиотеки постоянно падало — с 59,4 млн экз. в 1990 г. до 19,1 млн экз. в 2000 г., т.е. пополнение фондов за этот период сократилось в 3 с лишним раза. Уменьшение общего числа посещений произошло за счет одноразовых посетителей, пришедших в библиотеку и не нашедших того, что им нужно, а потому больше не возвращавшихся туда, разочаровавшихся в возможностях и ресурсах, услугах массовых библиотек. Число выданных экземпляров книг и журналов за десять лет уменьшилось на 11% (с 1506 млн до 1340 млн экз.); книговыдача (число экземпляров на одного читателя) соответственно немного возросла с 16,6 до 17,2 экз. Но главное — это не столько физическое и абсолютное сокращение книжного фонда в библиотеках, сколько его "старение", сокращение притока новой литературы, а значит, падение интереса более молодых и развитых читательских групп. Другими словами, сохранялся лишь устойчивый и привычный контингент читателей, приток новых читателей сократился. Получается, что, как и в 1970-80-е годы, массовые библиотеки обслуживают лишь "социально бедных" — тех, кто не имеет других ресурсов и источников получения новой или специализированной литературы (все равно какого рода — самиздата или технической литературы). Можно сказать, что "средний" массовый читатель со-

хранился как "биологический вид", но численность его "популяции" и "ареал" распространения очень сократились.

Сегодня основная масса книжной продукции независимо от сложности, жанра, читательского назначения предназначена восполнять тематические и именные дефициты советского времени, то, чего десятилетиями был лишен советский человек и что за десять лет не может быть компенсировано. Поэтому нынешний поток (еще раз повторим — даже сложной литературы — философской, художественной, социологической, религиозной и т.п.) не нуждается в литературной оценке, критическом разборе, интерпретациях, рекомендациях и пр. Она получает статус *культурно-однозначного продукта* (развлекательного чтения, "классики", не требующей подтверждения и специальной квалификации, а пригодной лишь для цитирования и получения вторичного культурного авторитета), одноразовой, а потому не нуждающейся во вписывании в традицию акции и т.п. Классикалистская литература (подражающая классике или ориентированная на классический образец) в этой ситуации не является антонимом или антиподом дефицитарной литературе, а представляет собой лишь иное ее выражение, догматически (не литературно) заданный корпус изданий. Разумеется, этот вид "традиционализма" не имеет ничего общего с собственно литературной традицией (канонами интерпретации или рефлексивной ориентацией авторов на предшествующие литературные или образно-экспрессивные образцы, т.е. сознательным использованием опыта предшественников, аналитической практикой заимствования и переработки той или иной литературной техники или поэтики).

Более подготовленная часть публики сегодня представлена главным образом студентской молодежью больших

городов, аспирантами, молодыми преподавателями. Литературно образованная интеллигенция зрелых и старших возрастов за вторую половину 1990-х годов фактически отошла от активного чтения, постоянной книгопокупки. Уровень вкусов, литературные образцы и авторитеты задает сегодня не она, не она ведет и в их критическом обсуждении. Еще острее этот разрыв между вчерашними лидерами мнений и сегодняшней молодежью выражен на географической периферии страны.

Основу сегодняшнего чтения этой более подготовленной и динамичной публики составляет отечественная проза и поэзия избранных авторов среднего и молодого поколения 1960-70-х годов рождения, но чаще — переводная художественная литература, причем написанная авторами из более новых, непривычных литературных регионов, стран запоздалой, "неклассической" модернизации (Восточная и Юго-Восточная Европа, Турция и Ближний Восток, Япония, Скандинавия), причем нередко это словесность "неканонизированных" жанров, для которой оценочные, идеологические метки элитарного/массового, высокого/низкого чаще всего не подходят. Здесь преобладают научная фантастика и фэнтези, нон-фикшн. Также в этот круг входит общегуманитарная литература (история, этнология, филология и пр.), несколько престижных столичных журналов. Подобный крут чтения достаточно хорошо представляла до недавнего времени газета "Ex Libris", сетевые издания и библиотеки (рубрика "Круг чтения" в "Русском журнале", сайт "Вавилон", "Лавка языков" или Библиотека Мошкова), рецензионный раздел санкт-петербургского журнала "Новая русская книга", раздел "Хроника современной литературы" в "Новом литературном обозрении". Словесность неклассических литературных регионов, включая мультикультурные ответвления "классических" французской или британской литератур, и книги неканонических жанров несут для молодежи крупных городов необходимый ей в нынешней России опыт сегодняшнего освоения социального и культурного многообразия, синтеза культур, гибкой, многосторонней идентичности и сложных форм символического самоопределения индивида в современном мире.

Телевидение выступает главным масс-коммуникативным каналом, задающим сегодня единовременную картину мира на самые широкие аудитории. По данным ряда международных сравнительных исследований конца 1990-х годов, Россия находится в *лидирующей группе* стран, население которой наиболее активно смотрит телевизор и хочет смотреть его еще больше, и, напротив, в *конце списка* тех стран, население которых наиболее часто читает, ходит в музеи, путешествует. Можно говорить о становлении в современных российских условиях особой семейной "зрительской культуры" ("культуры зрительского отчуждения") или даже своего рода пассивного "общества зрителей" — Ю.А.Левада говорит в связи с этим о "чисто зрительской демократии" в России.

Массовое книгоиздание в этом смысле идет "за" телевидением, воспроизводя ту же жанрово-тематическую конструкцию наиболее популярных образцов, — отечественный детектив и боевик со все более подчеркнутой антизападной идеологией и символикой, переводной любовный роман, отечественный и опять-таки антизападный по своему посылу историко-патриотический роман, общедивизиональные энциклопедии и книги для детей, чисто учебные издания. До половины (по тиражам) выпускаемых сегодня в России книг — переводные развлекательные издания. До половины журнальной периодики (по тиражам) — массовые издания, связанные с телевидением, женскими интересами, миром развлечений и моды. В этом смысле постсоветский массовый человек наиболее активно, широко и регулярно воспроизводится сегодня средст-

вами масс-медиа как человек, с одной стороны, потребляющий или, по крайней мере, "пробующий", а значит, цивилизующийся, частный, а с другой — как человек привычки, раздвоенный, фрустрированный, склонный к астении и ностальгирующий по все более призрачным временам прежней государственной опеки над ним и по великой роли своей державы в истории.

Дело в том, что институциональные изменения в одной отдельной социальной сфере общества, например, в системе культуры (литературе, книгоиздании, театральном или библиотечном деле, СМИ и т.п.), без взаимодействия и поддержки (обмена) других институтов, довольно скоро приостанавливаются и замедляются. Они не то что сворачиваются или "хиреют", а начинают испытывать патологические смещения. Новыми возможностями начинают пользоваться совершенно другие группы, с другими культурными и социальными ресурсами, движимые смесью "низовых", плебейских мотивов и интересов. Для тех, кто начинал изменения и, соответственно, кто ориентировался на западнические и либеральные образцы, нет соответствующей социальной поддержки. Ее нет в двух смыслах: во-первых, не сложилось достаточно плотной социальной среды единомышленников, людей с близкими ценностями и интересами, обеспечивающими устойчивые структуры взаимосвязи, а во-вторых, нет и соответствующей графикации, как профессиональной или внутригрупповой, так и материальной.

Следует говорить о неравномерности изменений в разных подсистемах общества. Так, развал советской политической системы и экономики практически не трансформировал структуру отношений в науке или культуре. Новые отношения здесь возникают вне прежней системы организации, но с ней каким-то образом переплетаясь. Однако можно сказать, что советская интеллигенция как определенный тип гуманитарной бюрократии и в принципе хотела не рынка и даже не демократии, а расширения своих социальных возможностей и повышения авторитета. Желаемые ею параметры автономности сферы культуры были довольно скромными: изменения не предполагали полной самостоятельности производителя культурных образцов (автора, исполнителя) или культурного посредника, обеспечивающего условия тиражирования или предоставления культурной услуги, информации и пр. (рыночной цены интеллектуального и культурного продукта). Предполагалось и обсуждалось в кулуарах, что будет обеспечено лишь расширение сферы и объемов государственной поддержки, повышение авторитетности культурной элиты и, соответственно, снятие тотального и слишком уж жесткого контроля, ограничений, давления со стороны государственных структур, особенно применительно к отдельным группам. Поэтому критическая часть перестроенной деятельности интеллигенции довольно скоро оказалась исчерпанной, позитивной же — практически не было. Какое-то, крайне недолгое, время можно было существовать за счет ресурса "мертвых", но потом нужны были другие виды интеллектуальных услуг и товаров.

Говоря о разрыве между центром и периферией, мы имеем в виду не только непосредственно географический план. Между столицами и другими крупными городами, с одной стороны, и всей остальной территорией — с другой, пролегает граница собственно культурного процесса — траектории распространения, усвоения, воспроизводства, обновления образцов мысли, чувства, поведения. Начиная уже со средних городов и кончая малыми и селом, можно говорить о "серой зоне" культуры, где отсутствует какая-либо динамика, где нет спроса на культурные образцы как таковые, а начинается сфера стандартизированных масс-медийных продуктов. Наличие и

углубление таких разрывов при распаде советской системы централизованной дефицитарно-распределительной организации привели в тех зонах, где еще сохранилась какая-то организованная публичная культурная жизнь, к резкой традиционализации, архаизации содержания самого культурного процесса — реанимации, казалось бы, давно изжитых и исчезнувших комплексов и представлений. Здесь пошел не просто резкий рост националистической, шовинистической литературы (все комплексы провинциальной ущербности), но и фашизоидной культуры (мифология этнотроглодитов). Разрывы культурных коммуникаций не просто в этом плане "остановили" время, а напротив, без силового поля цивилизационно-моральных ограничений и норм, характерных для более окультуренной среды центра, дали пышное цветение культурных и цивилизационных сорняков, антизападнических, антилиберальных по своей направленности и смыслу. Реакция провинции на обрыв связей с центром, особенно если центр сам представляет собой своего рода мост между Европой, миром и Россией, выражается не только как апатия и некроз культурных тканей и отношений, а превращается в культурно-цивилизационный, агрессивный рессантимент.

Крах советской системы культуры произошел не столько под влиянием внутренних напряжений, внутрикультурных отношений и сил, сколько под воздействием внешних обстоятельств — распада репрессивного режима и лишения власти партийно-государственных чиновников от культуры и книгоиздания. Хотя многие из них и удержались на своих местах в первые годы, но их неэффективная деятельность стала причиной их смещения или отеснения в те организации, которые могли существовать лишь при значительной государственной поддержке, дотациях или госзаказе ("хлебных" издательствах, вроде тех, которые обладали монополией на издания школьно-учебной литературы, классики и т.п.). В принципе участники литературного и издательского процессов не были настроены против существовавшей тогда государственной структуры и организации культуры, они хотели лишь двух вещей в рамках той же системы: а) расширения собственных возможностей издавать себя и то, что они считали нужным; б) а для этого требовали перераспределения объемов государственного финансирования, сокращения доли заказной, идеологически выдержанной, "секретарской" литературы и кино, живописи и т.п. и увеличения доли ранее запрещаемой литературы, кино и т.п., включая переводную и пр. Особой борьбы здесь не было, речь идет лишь об установках допущенных участников прежней системы, которые вполне укладывались в рамки "социализма с человеческим лицом", но не либерализма и не демократии.

Новые отношения и принципы принесли люди со стороны, ранее никогда не входившие в структуру организации госкультуры. Новые формы возникали рядом с прежними и постепенно укреплялись за счет издания репрессированного наследства, неудовлетворенного читательского спроса на ранее не издававшуюся литературу (главным образом потребительского свойства — секс, пособия для изучения иностранных языков, учебники для новых дисциплин, оккультное знание, тривиальную литературу и в очень небольшой мере на так называемую авангардную словесность, в основном переводную). Люди, которые создавали эти новые издательства, были начисто лишены "интеллигентских" замашек и претензий (на нравственное руководство, на представительство культуры, просветительскую роль и пр.). Следует учесть также, что новые законы, принятые на волне перестройки, давали очень значительное преимущество культурным предприятиям (свободу от налогов или значи-

тельное их снижение), которых другие отрасли хозяйства не имели.

Поэтому динамика культуры в 1990-е годы носила двойственный характер. Она показала явную избыточность средневысокой культуры для основной массы так называемого образованного сообщества — избыточность, по всей видимости, была вызвана какими-то косвенными социокультурными обстоятельствами — потребление культурных благ в поздний советский период имело явно статусно-демонстративный или статусно-компенсаторный характер, было средством социальной демаркации в условиях, когда существовала государственная политика нивелирования социальных различий, давление политики достижения социальной однородности и пр.

Все показатели культурного потребления резко пошли вниз — в строгом смысле речь должна была бы идти именно о катастрофе национального масштаба, если бы значительная доля этого сокращения не шла за счет пустой и официально навязанной культурной продукции, от которой отвернулся потребитель. Но это только часть объяснения. Другая часть — безусловный процесс одичания значительной массы протосреднего класса, образованной бюрократии (как технической, так и гуманитарной интеллигенции). В мирное время никакими другими обстоятельствами нельзя объяснить столь масштабные сокращения потребления печатной продукции: аудитории газет и таблиц (объемов тиражей) — практически вдвое (на 45%), размера аудитории журналов и информационной периодики (буллетеней и пр.) — в 8 с лишним раз (на 88%), масштабы читателей книг и брошюр — в 5 раз (на 80%).

Это не просто игры статистики, подправленные "лукавые цифры", это реальное падение культурного спроса и, соответственно, культурного поведения. Данные социологических опросов лишь подтверждают эти тенденции, хотя и не в столь катастрофическом виде. Доля семей, где вообще нет книг или их очень мало (так что они не образуют основы для культурного расширенного воспроизводства, социализации детей, т.е. не образуют сколько-нибудь существенные культурные ресурсы для членов семьи и будущего поколения — до 100 книг) за десять лет выросла с 58 до 67%, доля семей, напротив, обладавших значимыми ресурсами (обеспечивавшими первичную социализацию и воспроизводство — "интеллигенции уже во втором поколении" — от 500 книг и более), напротив, сократилась с 10 до 4%. Другими словами, устойчиво воспроизводятся лишь относительно небогатые по своим культурным и информационным, смысловым ресурсам группы образованных в первом поколении.

Литературные вкусы, стандарты предпочтений литераторов и литературной критики сложились в годы застоя и после этого фактически не обновлялись. Структура их ценностей, как, кстати, и массовых ценностей и идеалов, задана именно ситуацией 1970-х годов или несколько более раннего времени, но не слишком ранних — не ранее конца 1950-х годов. Журнальная критика умерла потому, что стала неинтересной: с ее точки зрения, исходя из прежней системы ценностей и литературных представлений, ничего нового не появилось — нет изменений ни в литературных образах мира и определениях литературы, ни в литературной технике, ни в самом смысловом содержании литературных произведений, а точнее, их нет в жизни. Нет событий, которые могли бы дать тягу для культурного горения, динамического процесса описания и рефлексии, осмысления происходящего. Этот парадокс можно объяснить только следующим образом: с точки зрения прежних идеальных представлений, интересов, образов желаемого будущего действительно ничего не произошло. В глубине социального слоя носителей культуры все еще тянется время середины 1970-х годов, время

застоя. Зародившийся десятилетием-полтора позже постмодернизм — всего лишь паразит на прежней системе ценностей и представлений. Он не принес нового чувства жизни и времени, он может лишь пародировать 1970-е годы как "совковые", но не может от них освободиться, поскольку сам по себе бесплоден, иными словами, не в силах воспроизводить прежний образ культуры, но не может его и преодолеть. Имеющийся институт литературы (в то время фактически сложившийся или завершивший свое

институциональное формирование) может только рухнуть и исчезнуть, раскрошиться, ибо он не может меняться, в нем нет идеи новой, смыслопорождающей, генеративной субъективности, техники ее конституирования и рефлексии.

Этот вывод, если его перенести на все общество, признаем, ошарашивает и сопоставим с нынешней массовой идеализацией брежневского периода как лучшего времени в советской истории.

**АВТОРЫ НОМЕРА: **

Головаха Евгений Иванович (Институт социологии НАН Украины, Киев)

Гудков Лев Дмитриевич (ВЦИОМ)

Дубин Борис Владимирович (ВЦИОМ)

Левада Юрий Александрович (ВЦИОМ)

Роуз Ричард (Центр исследований публичной политики при Университете Стрэнслайд, Глазго)

Толъц Марк Соломонович (Иерусалимский университет)